

УДК 340.122

DOI: 10.34670/AR.2026.57.81.038

Корпоративная гегемония как вызов идее верховенства права в англо-американской правовой традиции

Аллалыев Руслан Мурадович

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский просп., 65/1;
e-mail: allalyev_rm@pfur.ru

Муромцев Геннадий Илларионович

Доктор юридических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: muromtsev_gi@pfur.ru

Аннотация

В статье анализируется растущая власть транснациональных корпораций (ТНК) как вызов верховенству права в его историческом развитии в рамках англо-американской правовой традиции. Прослеживается эволюция представлений об экономической власти как источнике потенциальной тирании — от античных истоков до их отражения в судебных прецедентах общего права и трудах отцов-основателей. Автор демонстрирует, как изначально антиолигархическая направленность идеи верховенства права была размыта в «неолиберальную эпоху», когда международные арбитражи и транснациональное право стали инструментами защиты корпоративных интересов. В заключение обосновывается необходимость переосмысления корпоративной власти в конституционных категориях и создания механизмов подотчетности корпораций, сопоставимых с государственными, для защиты общественных интересов.

Для цитирования в научных исследованиях

Аллалыев Р.М., Муромцев Г.И. Корпоративная гегемония как вызов идее верховенства права в англо-американской правовой традиции // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 62-69. DOI: 10.34670/AR.2026.57.81.038

Ключевые слова

Власть транснациональных корпораций, верховенство права, англосаксонская правовая традиция, общее право, юридический империализм, корпоративная гегемония, конституционный порядок, транснациональное право.

Введение

Современное публичное пространство структурно разделено на две принципиально различные сферы — политику и бизнес, — где правила игры и критерии оценки кардинально различаются. Как метко отмечает профессор Кембриджского университета Ха Джун Чхан, то, что в бизнесе воспринимается как здоровая и ожидаемая конкурентная практика, в политике нередко клеймится как «жесткость», «непозволительные выпады» или «популизм». Эта фундаментальная разница проистекает из различных «конституирующих мифов», легитимирующих каждую из этих сфер. Политик, даже преследуя сугубо прагматичные и корыстные интересы, обязан рядиться в риторику служения общественному благу, апеллировать к принципу справедливости [Chang, 2008]. Он является участником публичной дискуссии о будущем общества, работа которого состоит в том, чтобы предлагать, оспаривать и отстаивать разного рода социальные ценности, а значит, избежать публичного спора он не может по определению. Фирмы же, в своей массе, не обязаны и даже не должны выходить на арену идеологического или ценностного спора — их удел и легитимация заключены в рыночной конкуренции и экономической эффективности. Поэтому бизнес долгое время мог отделаться классической и, в своей простоте, вполне убедительной мантрой о том, что он «просто зарабатывает деньги». Таким образом, главный водораздел между политикой и бизнесом проходит по линии их публичных обязательств.

В эпоху растущих ожиданий в области корпоративной социальной ответственности, эта позиция дается компаниям все сложнее, однако по умолчанию она все еще служит базовым оправданием их действий. Казалось бы, устоявшаяся дихотомия сегодня переживает глубокий кризис, вызванный феноменом корпоративной власти, масштабы которой соперничают с государственной, но которая при этом не обременена аналогичными конституционными ограничениями и публичными обязательствами.

Корпоративная власть как вызов конституционному порядку

Проблема концентрации неподотчетной экономической власти отнюдь не нова. Ее истоки прослеживаются в глубине веков, формируя правовое течение, которое можно обозначить как антиолигархическую традицию. Эта традиция, уходящая корнями в античность, видела в отношениях экономической власти и зависимости источник олигархической или плутократической тирании. Уже в начале XVII века в Англии мы находим ее яркие проявления. В знаменитом деле *Darcy v. Allen* (1602 г.) защитник Николас Фуллер задал судьям риторический вопрос, не утративший своей остроты: «Как можно говорить, что свободные люди должны, согласно Великой хартии, пользоваться своими правами, когда мистер Дарси обладает патентом, ограничивающим производство карт, другой — запрещающим теннис, третий — соколиную охоту и охоту вообще, и так далее? Не превращает ли это свободных людей в крепостных?» [Darcy v. Allen, 1602]. Решение суда, вынесенное против монополии, основывалось на непоколебимой для того времени логике общего права: подобные патенты «взвинчивали цены и сковывали торговлю, что вело к «безделью и нищенству»... без какой-либо сопоставимой общественной пользы, поскольку выгоду от них получал исключительно частный обладатель патента» [Baker, 2017, 322].

Эта традиция была трансплантирована и получила плодотворное развитие в Северной Америке. Отцы-основатели Соединенных Штатов, находясь под глубоким впечатлением от

работ политических мыслителей, таких как Джеймс Гаррингтон, видели в Америке уникальное общество — общество без феодализма, аристократии и крайней бедности. Обширные земли на Западе представлялись неисчерпаемым источником экономических возможностей, создававшим то, что профессор Университета Вандербильта Ганеш Ситараман называет «шокирующим равенством». Как отмечает Ситараман, американская Конституция была в значительной степени рассчитана на общество с сильным средним классом и относительным экономическим равенством [Sitaraman, 2017]. Очевидно, что без сохранения среднего класса демократия США обречена на упадок, подобно республикам прошлого [Rosen, 2017]. Следовательно, рост экономического неравенства медленно разрушает сам конституционный порядок изнутри.

Именно в этом ключе следует понимать высказывание Генри Адамса (1870 г.), который справедливо утверждал, что проблема заключается не просто во «власти в руках президента или принца... но власти в абстрактном смысле, где бы она ни существовала и под каким бы именем ни была известна» [Sitaraman, 2017]. Такую позицию, направленную против любой концентрированной и неподотчетной власти, занимали не только диссиденты, но и виднейшие деятели американской истории, включая отцов-основателей. Ярчайшим выразителем этой традиции в XX веке стал судья Верховного суда США Луи Брандейс. В одном из своих судебных мнений он с тревогой констатировал: «Распространённость корпораций в Америке привела людей нашего поколения к тому, что они порой ведут себя так, будто право вести дела в корпоративной форме является неотчуждаемым; и заставила их смириться со злом, сопутствующим свободному и неограниченному использованию корпоративного механизма, — словно это зло есть неизбежная цена цивилизованной жизни, которую следует покорно принимать. На протяжении большей части нашей истории преобладал иной взгляд» [Liggett Co v. Lee, 1932]. Брандейс сформулировал ключевой для всей антиолигархической традиции тезис: «Люди не свободны, если экономически зависят от воли другого». Эта мысль прямо связывает экономическую независимость с политической свободой, ставя под сомнение легитимность любой системы, порождающей тотальную экономическую зависимость.

Тирания «частного правительства»

Если в XVIII-XIX веках угроза концентрированной экономической власти исходила преимущественно от национальных монополий и трестов, то в эпоху глобализации она приобрела качественно новые, транснациональные формы. Современные корпорации обладают властью, сопоставимой с государственной, но без должных правовых ограничений и механизмов публичной подотчетности [Taylor, 2017]. Как подчеркивает профессор Мельбурнского университета Джулиан Семпилл, термин «корпоративная тирания» — это не пустая риторика, а концепция с глубокими корнями в традиции ограниченного правительства и верховенства права [Sempill, 2018, 219–253]. Концентрация ресурсов — финансовых, технологических, информационных — в руках крупнейших корпораций приводит к системной и всепроникающей зависимости общества от их частных решений, которые зачастую принимаются в интересах узкой группы акционеров, а не широкой общественности [Berman, 2000, 1263–1293; Fitzgerald, 2000, 337–384].

Проблема современного неолиберализма заключается в его избирательном подходе к ограничению власти. Так, сторонники неолиберализма дистанцируются от либерализма XIX в. в том отношении, что они более не видят проблем в появлении крупных корпораций, зато

осознают ужасы этатизма... [Манн, 2018, 195]. В результате концепция «ограниченного правительства» стала применяться почти исключительно к государству, в то время как корпоративная власть, особенно в ее транснациональном измерении, оказалась выведена за рамки этого ограничительного дискурса. Корпорации, по сути, стали «частными правительствами», которые, как отмечают критики, «всё больше «освобождаются» от подотчётности правительству» [Фрай, 2023, 441], одновременно взращивая манипулятивные представления о национальной идентичности в своих интересах.

Неудивительно, что, к примеру, Кригер и Винчестер предлагают выйти за узкие рамки традиционных трактовок верховенства права и включить в дискурс проблему частной власти (*private power*) — власти корпораций, неправительственных организаций и иных негосударственных акторов. Кроме того, они справедливо настаивают на учете внеправовых нормативных систем, таких как моральные нормы и социальные практики, которые зачастую играют ключевую роль в легитимации или, напротив, ограничении корпоративного влияния [Krygier, 2018, 75–95].

Верховенство права как инструмент гегемонии

Одновременно с этим, капитализм взял на вооружение более транснациональные формы организации, находящиеся вне сферы контроля отдельных национальных государств [Манн, 2018, 599]. В глобальном масштабе проблема корпоративной власти проявляется в форме «юридического империализма», где право, провозглашающее универсальные ценности, на практике становится инструментом гегемонии одних стран над другими. Эту систему убедительно описывает мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна, который рассматривает глобальную систему как иерархию, где «ядро» (развитые страны Запада) доминирует над «полупериферией» и «периферией» через комплекс экономических, политических и правовых механизмов. В этой системе право выступает не нейтральным арбитром, а инструментом воспроизводства и закрепления существующей власти [Wallerstein, 2004]. Как подчеркивает профессор Б.С. Чимни из Глобального университета О.П. Джиндала (JGU), верховенство права было навязано Западом как часть неоколониальной системы, призванной обеспечить предсказуемость и защиту интересов транснационального капитала [Chimni, 1993].

Начиная с 1980-х годов, Международный валютный фонд и Всемирный банк, институционально контролируемые странами «ядра», в качестве условия для предоставления займов стали навязывать странам «периферии» и «полупериферии» пакеты структурных реформ. Эти реформы, основанные на англосаксонской неолиберальной модели, включали в себя приватизацию государственных активов, жесткую защиту прав иностранных инвесторов, ослабление трудового и экологического регулирования. Как убедительно показывает профессор Университета Нью-Йорка Дэвид Харви, эта политика, часто обозначаемая как «шоковая терапия», привела не к процветанию, а к усилению зависимости периферийных экономик от «ядра» [Harvey, 2005]. Эксперименты по внедрению концепции верховенства права в страны третьего мира и бывшего социалистического лагеря приводят к деградации в этих обществах экономики и социальной инфраструктуры и обеспечению максимально благоприятных условий для местной олигархии и транснациональных корпораций [Trubek, 2006].

Дэвид Кеннеди в своих работах доказывает, что глобальное право в его нынешнем виде

превратилось в сложный, технический инструмент защиты интересов глобальных элит, а не граждан [Kennedy, 2004]. Правовым фундаментом этого порядка стало английское общее право, экспортированное по всему миру через колониализм, а позднее — через неолиберальные реформы и систему международного коммерческого арбитража [Pinsent Masons, 2020]. Ключевым механизмом здесь является система урегулирования споров между инвесторами и государствами (ISDS), которая позволяет транснациональным корпорациям в обход национальных судебных систем оспаривать законы и регламенты принимающих государств, принятые в публичных интересах — например, для защиты окружающей среды, здоровья граждан или трудовых прав. Как отмечает профессор Уильям Шерман, это порождает глубокую «юридическую асимметрию»: транснациональные корпорации получают экстерриториальные привилегии для защиты своих инвестиций, в то время как государства периферии фактически теряют часть своего суверенитета, не имея аналогичных инструментов для защиты своих публичных интересов [Scheuerman, 2004].

Заключение

Суммируя изложенное, можно констатировать, что объединенная мощь корпораций и государства (или их симбиоз) создает в XXI веке беспрецедентный центр влияния, противостоять которому, по мнению ряда мыслителей, может лишь «сила бессильных» — то есть, массовая гражданская солидарность и ненасильственное сопротивление. Однако одного сопротивления недостаточно. Необходима позитивная правовая программа, направленная на обуздание корпоративной власти и ее подчинение принципам демократии и верховенства права.

Логика исторической антиолигархической традиции и анализ современных глобальных вызовов со всей очевидностью указывают на необходимость переосмысления корпоративной власти через призму конституционных принципов. Если крупные корпорации являются институтами концентрированной власти, несущими угрозы, аналогичные государственному, то и проблема их власти должна рассматриваться в рамках того же конституционного дискурса. Это означает, что в отношении корпораций, особенно обладающих значительным влиянием на общество, должны быть разработаны и внедрены механизмы подотчетности, прозрачности и общественного контроля, аналогичные тем, что применяются к органам государственной власти.

Конкретные меры могут включать радикальное повышение прозрачности корпоративных структур и финансовых потоков, внедрение механизмов демократического участия сотрудников и представителей гражданского общества в корпоративном управлении, ужесточение антимонопольного законодательства и законодательства о конкуренции, направленное не только на защиту потребителей, но и на предотвращение чрезмерной концентрации политического и экономического влияния.

Отдельно следовало бы сфокусироваться на реформе международных арбитражных систем для устранения существующей юридической асимметрии и восстановления регулятивного суверенитета государств в области защиты публичных благ.

Тезис судьи Брандейса о том, что «люди не свободны, если экономически зависят от воли другого» [Liggett Co v. Lee, 1932], сегодня актуален как никогда. Восстановление и актуализация антиолигархической конституционной традиции — это необходимость для того, чтобы обеспечить подлинную свободу, демократию и верховенство права в мире, даже если это

потребуется пересмотра самой правовой природы корпорации, ее целей и ответственности перед обществом.

Библиография

1. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945-2011 годы / пер. с англ. А. Гуськова, С. Коломойца, О. Левченко; науч. ред. Д.Ю. Карасев. 2-е изд., испр. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
2. Фрай, Т. Дефутурация: новая философия дизайна / пер. с англ. А. Королева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.
3. Baker, J. The Reinvention of Magna Carta, 1216-1616. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
4. Berman, P.S. Cyberspace and the State Action Debate: The Cultural Value of Applying Constitutional Norms to Private Regulation. – University of Colorado Law Review, 2000, vol. 71, pp. 1263-1293.
5. Chang, H-J. Bad Samaritans: The Guilty Secrets of Rich Nations and the Threat to Global Prosperity. – London: Random House, 2008.
6. Chimni, B. S. International Law and World Order: A Critique of Contemporary Approaches. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
7. Darcy v. Allen (1602) 74 ER 1131. URL: <https://vlex.co.uk/vid/edward-darcy-esquire-plaintiff-805560497>
8. Fitzgerald, B.F. Software as Discourse: The Power of Intellectual Property in Digital Architecture. – Cardozo Arts & Entertainment Law Journal, 2000, vol. 18, pp. 337-384.
9. Harvey, D. A Brief History of Neoliberalism. – Oxford: Oxford University Press, 2005. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>
10. Kennedy, D. The Dark Sides of Virtue: Reassessing International Humanitarianism. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004.
11. Krygier, M., Winchester, A. Arbitrary power and the ideal of the rule of law. In: May, C., Winchester, A. (eds.) Handbook on the Rule of Law. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018, pp. 75–95.
12. Liggett Co v. Lee, 288 U.S. 517 (1932).
13. Pinsent Masons. English institutions and law popular for global dispute resolution. Out-Law News, 2020, October 15. URL: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/english-institutions-law-popular-global-dispute-resolution>
14. Rosen, R.J. Can the Country Survive Without a Strong Middle Class? – The Atlantic, 2017, March 21. URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/03/middle-class-constitution/519909/>
15. Scheuerman, W.E. Liberal Democracy and the Social Acceleration of Time. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
16. Sempill, J.A. What Rendered Ancient Tyrants Detestable: The Rule of Law and the Constitution of Corporate Power. – Hague Journal on the Rule of Law, 2018, vol. 10, pp. 219–253. <https://doi.org/10.1007/s40803-018-0074-5>
17. Sitaraman, G. The Crisis of the Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic. – New York: Alfred A. Knopf, 2017.
18. Taylor, V. Regulatory Rule of Law. – RegNet Research Paper, 2017, No. 2017/23. DOI: 10.22459/RT.02.2017.23. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.23>
19. Trubek, D.M. The «Rule of Law» in Development Assistance: Past, Present, and Future, 2006. URL: <https://media.law.wisc.edu/m/mg3md/ruleoflaw.pdf>
20. Wallerstein, I. World-Systems Analysis: An Introduction. – Durham: Duke University Press, 2004.

Corporate Hegemony as a Challenge to the Idea of the Rule of Law in the Anglo-American Legal Tradition

Ruslan M. Allalyev

PhD in Law,
Associate Professor,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,
119991, 65/1, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: allalyev_rm@pfur.ru

Gennadii I. Muromtsev

Doctor of Legal Sciences,

Professor,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: muromtsev_gi@pfur.ru

Abstract

The article analyzes the growing power of transnational corporations (TNCs) as a challenge to the rule of law in its historical development within the Anglo-American legal tradition. It traces the evolution of perceptions of economic power as a source of potential tyranny — from ancient origins to their reflection in common law judicial precedents and the works of the founding fathers. The author demonstrates how the initially anti-oligarchic orientation of the idea of the rule of law was eroded in the "neoliberal era," when international arbitrations and transnational law became instruments for protecting corporate interests. In conclusion, the necessity of rethinking corporate power in constitutional terms and creating mechanisms of corporate accountability comparable to state mechanisms to protect public interests is substantiated.

For citation

Allalyev R.M., Muromtsev G.I. (2025) Korporativnaya gegemoniya kak vyzov idee verkhovenstva prava v anglo-amerikanskoy pravovoy traditsii [Corporate Hegemony as a Challenge to the Idea of the Rule of Law in the Anglo-American Legal Tradition]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 62-69. DOI: 10.34670/AR.2026.57.81.038

Keywords

Power of transnational corporations, rule of law, Anglo-Saxon legal tradition, common law, legal imperialism, corporate hegemony, constitutional order, transnational law.

References

1. Baker, J. (2017). **The reinvention of Magna Carta, 1216-1616**. Cambridge University Press.
2. Berman, P. S. (2000). Cyberspace and the state action debate: The cultural value of applying constitutional norms to private regulation. *University of Colorado Law Review*, *71*, 1263-1293.
3. Chang, H.-J. (2008). *Bad Samaritans: The guilty secrets of rich nations and the threat to global prosperity*. Random House.
4. Chimni, B. S. (1993). *International law and world order: A critique of contemporary approaches*. Cambridge University Press.
5. Darcy v. Allen, 74 ER 1131 (1602). Retrieved from <https://vlex.co.uk/vid/edward-darcy-esquire-plaintiff-805560497>
6. Fitzgerald, B. F. (2000). Software as discourse: The power of intellectual property in digital architecture. *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, *18*, 337-384.
7. Frai, T. (2023). *Defuturatsiia: novaia filosofii dizaina* [Defuturation: A new philosophy of design] (A. Koroleva, Trans.). Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS.
8. Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>
9. Kennedy, D. (2004). *The dark sides of virtue: Reassessing international humanitarianism*. Princeton University Press.
10. Krygier, M., & Winchester, A. (2018). Arbitrary power and the ideal of the rule of law. In C. May & A. Winchester (Eds.), *Handbook on the rule of law* (pp. 75–95). Edward Elgar Publishing.
11. Liggett Co v. Lee, 288 U.S. 517 (1932).

12. Mann, M. (2018). *Istochniki sotsial'noi vlasti: v 4 t. T. 4. Globalizatsii, 1945-2011 gody* [The sources of social power: Vol. 4. Globalizations, 1945-2011] (A. Gus'kov, S. Kolomiits, & O. Levchenko, Trans.; D. Iu. Karasev, Ed.; 2nd ed.). Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS.
13. Pinsent Masons. (2020, October 15). *English institutions and law popular for global dispute resolution*. Out-Law News. Retrieved from <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/english-institutions-law-popular-global-dispute-resolution>
14. Rosen, R. J. (2017, March 21). Can the country survive without a strong middle class? *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/03/middle-class-constitution/519909/>
15. Scheuerman, W. E. (2004). *Liberal democracy and the social acceleration of time*. Johns Hopkins University Press.
16. Sempill, J. A. (2018). What rendered ancient tyrants detestable: The rule of law and the constitution of corporate power. *Hague Journal on the Rule of Law*, *10*, 219–253. <https://doi.org/10.1007/s40803-018-0074-5>
17. Sitaraman, G. (2017). *The crisis of the middle-class constitution: Why economic inequality threatens our republic*. Alfred A. Knopf.
18. Taylor, V. (2017). *Regulatory rule of law* (RegNet Research Paper No. 2017/23). <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.23>
19. Trubek, D. M. (2006). *The "rule of law" in development assistance: Past, present, and future*. Retrieved from <https://media.law.wisc.edu/m/mg3md/ruleoflaw.pdf>
20. Wallerstein, I. (2004). *World-systems analysis: An introduction*. Duke University Press.